

Евгений Германович Водолазкин, доклад «Достоевский. Двести лет спустя». Конференция «Золотой век русской литературы. Опыт прочтения».

28 июня 2022 года

Век и вечность – слова общего корня и общей, надо полагать, природы, одно переходит в другое. Что мы нынешние знаем о Достоевском? Знаем, что гений. Знаем, что классик. Знаем, что пророк. С гением, пожалуй, проще всего. Что это значит, понятно всем. Получая однажды книгу, присланную мне из Германии, я изумился тому, что она шла 3 месяца по почте. И я спросил у почтового чиновника, почему так долго. Я сказал ему, что во времена Достоевского его письма из-под Хомбурга в Петербург шли 4 дня. И он мне сказал: «потому, что Достоевский был гением».

С другими определениями гораздо сложнее. Понятно, что классик – это тот, чьи тексты безупречны. Но это еще не все. Литературные произведения существуют в восприятии читателя, которые вкладывают в него дальнейшие смыслы. Речь идет о читательском со-творчестве. И это со-творчество, с другой стороны, перепрограммируется писателем. И тексты Достоевского запрограммированы на века. Но даже вечное в чем-то устаревает. Преподаватели-словесники жаловались мне, что тексты Толстого и Достоевского все хуже понимаются школьниками, и это действительно в некотором смысле проблема. Проблема не только лексическая, но и идейная. Здесь как ни странно в преимущественном положении оказываются читатели переводов, потому что перевод всегда делается на актуальный язык. Перевод всегда соответствует современному состоянию языка, но он все меньше соответствует Достоевскому и Толстому. И поэтому я все-таки думаю, что в идеале надо читать Достоевского и Толстого по-русски. И некоторые сложности, которые, может быть, увеличиваются с течением времени, нужно преодолевать, читая внимательнее вокруг этого текста, изучать контекст. Кстати, замечательная книга вышла об Анне Карениной у Павла Басинского. Он помогает нам понять особенности бракоразводного процесса того времени, иначе современному человеку непонятно: а в чем, собственно, проблема этого романа Льва Толстого?

Достоевский, безусловно, требует усилий, но эти усилия вознаграждаются. В составе великой тройки вместе с Толстым и Чеховым достоевский известен всему миру. С одной стороны, он типично европейский романист, он существует в абсолютно европейской парадигме. С другой стороны, Достоевский пишет о проблемах, Европе часто не знакомых, о русских проблемах. И вот тут происходит то, благодаря чему русская литература становится мировой, в первую очередь благодаря Толстому и Достоевскому – они европейские романисты и очень близки европейскому

читателю, в то же время их материал достаточно экзотичен, чтобы не быть скучным. Эта пропорция сделала их одними из самых популярных писателей в мировой литературе вообще.

Если уже есть Достоевский, зачем нужны современные писатели? Во времена Достоевского не существовало многое из того, что беспокоит нас сейчас. Например, манипуляция общественным сознанием, попытки внести изменения в нравственный код человечества. И здесь важно упомянуть о третьей из упомянутых ипостасей Достоевского – пророк. Библейским пророкам были присущи 2 основных качества: предсказание и обличение грехов своего времени. Но предвидение - это не предвидение, это видение. Сфера вечного, в которой они пребывали, не предполагает существования таких слов, как «еще» и «уже». И Достоевский не предсказатель, он не видит будущее: он видит настоящее. Он с пронзительной ясностью видит настоящее, и понимает движение этого настоящего, это и является способом его видения мира. Тем, что разовьется впоследствии.

Заметьте, что Достоевский не написал ни одного исторического романа, это симптоматично: дело в том, что Достоевского принципиально интересует настоящее время, *present continuous*, настоящее длящееся. Это то время, которое его характеризует. Его интересует не столько большая история, сколько история развития человеческой души.

Писателя интересуют границы личности и ее возможностей, он пристально всматривается в проблемы права, права как нравственной допустимости: «тварь я дрожащая или право имею?» Достоевский говорил о борьбе добра со злом; но в его время границы между добром и злом все-таки просматривались, а сейчас эта грань становится зыбкой. Нынешнее юридическое право все больше вступает в противоречие с нравственностью. Право рассматривается как самостоятельная ценность, право на разрушение личности, семьи, а иногда и общества. «Der Wagen der rollt» - поется в одной популярной немецкой песне, «повозка продолжает катиться». И мы катимся уже там, где нет дороги, в этом опасность ситуации. То развитие индивидуальности, о котором мы говорим, зашло слишком далеко, потому что право, как самоценность – возведенный в квадрат гуманизм становится в конечном счете антигуманным.

Современная литература перестала быть делом элитарным. Персонаж романа «Бесы» Достоевского, поэт-графоман Капитан Лебядкин сегодня публикует свои тексты в сети. Он удивляется, что его тексты не находят энтузиазма и к ним относятся достаточно сдержанно. Удивление сменяется яростью, и Лебядкин обрушивается на тех, кто пишет лучше. Война ведется теперь не с конкретными авторами, а с иерархией как таковой. Это очень важная новость нашего времени. Лебядкин – это существо стайное, сейчас

он придумал культуру отмены, когда безликая масса противостоит персональному. Нельзя отменить ни Достоевского, ни Чайковского, но это происходит. На самом деле, надо отдавать себе отчет в том, что нет никакой культуры отмены, а есть только отмена культуры.

Нобелевский лауреат Кадзуо Исигуро бьет тревогу, говоря о «сетевом линчевании», создается революционная ситуация, когда по сомнительной ленинской догме «верхи не могут, низы не хотят». Но литература – материя особая, революции в ней бессмысленны, кто был никем, тот никем и остается. Достоевский призывает к консолидации европейской цивилизации, к которой принадлежит и Россия, и запад. В Пушкинской речи Достоевский говорит о всемирной отзывчивости русских, «стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите».

Над всеми спорами продолжает звучать такой нерасчетливый голос Достоевского: «О, народы Европы и не знают, как они нам дороги». Эти слова могут восприниматься как горькая ирония, но ведь это не ирония. Мы нужны друг другу, и не только в прагматическом смысле. Нам всем дорога эта цивилизация. Именно сейчас, когда противоречия между Россией и Западом обострились до чрезвычайности, мысль Достоевского об общеевропейской семье кажется убедительной как никогда. У литературы нет никаких тайных задач, потому что всяким народом литература создается прежде всего для себя. Именно поэтому литература рождает доверие в других землях. Это своего рода дневник народа, а что может быть искреннее дневника? Нам нынешним нужно продолжать эти дневниковые записи. Пишем страницу за страницей, потому что кто-то же должен это делать.